УДК 34(091)

СЕЛЬСКАЯ ДРУЖИНА – ОСНОВНОЙ ИНСТИТУТ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРВЫЙ ГОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Абрамовский Александр Андреевич,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой
теории права
и уголовно-правовых дисциплин,
доктор исторических наук.
г. Челябинск, Россия.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Аннотация
В статье раскрывается механизм обеспечения общественного порядка в уральской деревне в первый год Советской власти. В первую очередь – через создание сельских боевых дружин. Показан процесс их формирования в каждой из четырех уральских губерний.

Ключевые понятия:
Октябрьская революция,
Урал,
органы охраны правопорядка,
Красная гвардия,
дружины.

В условиях разгоравшейся Гражданской войны, обострения криминогенной обстановки, роста преступности уральские Советы осознавали, что правоохранительные структуры, в первую очередь, в форме народных дружин желательны в каждом населенном пункте. В феврале 1918 года Камышловский уездный съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Пермской губернии принял следующую резолюцию-указание: «Волостные и сельские Советы крестьянских депутатов для защиты Советской власти и активной борьбы с контрреволюцией организуют боевую крестьянскую дружину». Одновременно была разработана и краткая инструкция для членов этого правоохранительного учреждения [11, л. 4].

В Екатеринбургском уезде сельские чрезвычайные органы власти проводили аналогичную работу. Весной 1918 года Куяшский военно-революционный комитет сформировал «Добровольческую дружину» под командованием М.Ф. Мосеева. В ее компетенцию входили охрана села и поддержание революционного порядка. Вскоре численность дружины достигла 40 человек. Кроме того, данный чрезвычайный орган власти создал еще одно постоянно действующее правоохранительное учреждение «милицейскую тройку», в составе трех человек (Н.Г. Щербакова, Н.М. Рубашина и И.В. Тюкова), в обязанности которой, главным образом, входила также охрана общественного порядка [10, л. 87–88, 104].

В Кунгурском уезде при Покрово-Ясыльском волостном Совете крестьянских депутатов весной 1918 года была создана боевая дружина под командованием бывшего фронтовика Н.Ф. Бормотова, которая к лету возросла с 28 до 120 бойцов, вооруженных трехлинейными винтовками, присланными из уездного центра. «Наши дружинники не только поддерживали революционный порядок в пределах волости, но и оказывали военную помощь советским органам соседних волостей», – вспоминал член дружины С.М. Кадонцев. Аналогичные сельские формирования были созданы в соседних волостях – Ашапской и Юго-Осокинской [9, с. 147].

По нетрадиционному пути пошел Шадринский Совет рабочих и крестьянских депутатов. К маю 1918 года на территории уезда была распущена не только городская и уездная милиция, но, более того, эта же участь постигла и Красную гвардию. Вместо данных правоохранительных учреждений при административно-уголовном отделе исполкома была организована «боевая Советская дружина» численностью в 101 человек. Она подразделялась на «особые отряды:

летучий – 10 человек, карательно-экспедиционный – 12 человек, отряд по борьбе со спекуляцией и алкоголизмом – 14 человек и т.д.» [5, л. 9]. По этому экспериментальному пути должны были пойти и сельские Советы. «Важно также, чтоб такие боевые дружины организовывались в уезде при волостных совдепах», – говорилось 29 мая 1918 года на очередном региональном съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов [12, л. 282].

В Уфимской губернии процесс образования новых правоохранительных структур в сельских районах по инициативе отдельных Советов приобретал, можно сказать, всеобщий характер. Боевые подразделения должны были создаваться, в первую очередь, при осложнении криминогенной обстановки. Так, 28 февраля 1918 года Московский волостной Совет крестьянских депутатов Бирского уезда постановил боевые дружины организовывать в деревнях по мере надобности [20, л. 6]. И в деревне большевики, вполне естественно, были во главе этого процесса. На общем собрании Зилимской поселковой группы РСДРП(б) Архангельской волости Стерлитамакского уезда 6 марта 1918 года было принято постановление: «Создать боевую дружину для поддержания порядка и для укрепления революции и отражения белой гвардии» [17, с. 273–274]. На основании анализа протоколов данной парторганизации можно утверждать, что основным источником получения оружия сельскими БОНВ являлся губернский центр. Так, например, 15 марта 1918 года из Уфы в село Зилим было доставлено 30 винтовок и 1000 штук патронов [20, л. 6].

Сельские боевые дружины, помимо охраны Советов, поддержания общественного порядка исполняли и иные правоохранительные функции. В частности, боевая организация Благовещенского волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже в январе 1918 года неоднократно изымала краденые вещи у их укрывателей в селе Дмитриевка. Более того, дружинники за такую форму пособничества сами накладывали денежные штраф [22, л. 7–8].

Численный состав сельских дружин Уфимской губернии возрастал практически ежемесячно. Конкретную динамику этого процесса можно проследить на примере Давлеткановской дружины Белебеевского уезда. «С 1918 года: в январе месяце было боевых дружинников 34 члена, в феврале – 39, в марте – 40, а в апреле существует всего боевых дружинников 80 членов. Дальнейший набор продолжается», – докладывал в губернский штаб БОНВ командир дружины Мещеряков [22, л. 13]. Другим примером, подтверждающим эту общую тенденцию, являлось решение Дуван-Табынского волостного исполкома Стерлитамакского уезда от 6 мая 1918 года о скорейшем увеличении численности боевой дружины с 25 до 500 человек «в целях сохранения завоеваний Октябрьской революции» [21, л. 54].

К началу Гражданской войны сеть отрядов сельской гвардии и боевых дружин покрыла практически всю территорию губернии. На территории Стерлитамакского уезда новые правоохранительные вооруженные структуры были образованы в Азнаевской, Архангельской и Верхоторской волостях, Богоявленском заводе, отдельных населенных пунктах – Красноярка (350 человек, командир М. Слободин) и Валентиновка (50, Л. Попало). Аналогичные процессы происходили в других уездах губернии. Так, например, в Бирском – боевые дружины функционировали в Тюнинской, Клебаковской, Чераулovской, Никольской, Верхнетатышменской волостях; в Златоустовском – Верхнекичигинской, Емашинской, Месягутовской, Тастубинской, Ярославской, Еландинской; в Уфимском – Осогринской, Урман-Кудейской, Бишаул-Унгаровской, Караякуповской, Дмитровской, Сафоровской и др. [15, с. 109–157].

В целях эффективного взаимодействия сельские дружины устанавливали тесные связи с районными штабами БОНВ, в первую очередь путем делегирования в их состав своих представителей [23, л. 6]. Кроме того, в случаях обострения криминогенной обстановки сельские правоохранительные формирования своим личным составом помогали Центральному штабу. Так, например, 9 апреля 1918 года общее собрание Топорнинской боевой организации Покровской волости Уфимского уезда в ответ на просьбу губернского командования направило ему на помощь отряд численностью в 7 человек, выделив денежное довольствие на проезд и суточные расходы. Аналогичное решение было принято в деревне Колтаевой этой же волости [23, л. 20].

Однако этот процесс носил не абсолютный характер. В части волостей вплоть до начала Гражданской войны дружины так и не были созданы. Так, например, в Уфимском уезде – в Удельно-Дуванатской волости; Стерлитамакском – Ишнарсовской; Белебеевском – Алышевской и др. [15 с. 109–157]; Златоустовском – Метлинской [6]. Одной из веских причин этого негативного для новой власти явления стало отсутствие денежных средств у Советов и партийных комитетов. «Боевую единицу я принимался организовы-

вать два раза и все же под ружьем ни одного человека не имею. Организовал первый раз, пришлось за неимением средств отослать в уезд. Во второй раз, то есть в настоящий момент, организовал только на бумаге, то есть записалось 18 человек и дальше дело встало, нигде не могу исходатайствовать средств», – докладывал в апреле 1918 года в ЦК РСДРП(б) руководитель партийной ячейки деревни Корчажка Заинской волости Мензелинского уезда [16, с. 207].

В Оренбургской губернии, закрепив положительную тенденцию формирования правоохранительных учреждений в городе, Троицкий исполнительный комитет, стремясь распространить ее и на всю обслуживаемую территорию, 11 мая постановил: «Волостным и станичным комитетам продолжить организовывать при них дружины, которым просить военного комиссара 1) выдать оружие и 2) широко распространить среди населения программу организации боевых дружин при станицах, волостях и селах». И это решение стало претворяться в жизнь, боевые дружины были образованы в станицах Катенинской (110 человек), Качкарской, Соколово-Уйской, Бобровской и поселках Берлинском и Бородиновском [13, л. 17].

В Челябинском уезде II региональный съезд крестьянских и казачьих депутатов 18 февраля 1918 года принял резолюцию, которой устанавливалось, что «для защиты и активной борьбы с контрреволюцией … организовать в каждом поселке, в котором установлена Советская власть, боевые дружины» [7].

Верхнеуральский Совет рабочих и солдатских депутатов 20 марта 1918 года принял решение организовать боевую дружину, попросив на ее содержание у Уфимского военно-революционного комитета (ближайшего губернского центра) 5 тыс. рублей, 500 винтовок и «по силе возможности гранат и револьверов». Комиссаром данного подразделения был назначен Н. Константинов [10, л. 16-18]. Аналогичные формирования образовывались и на территории уезда. В частности, в поселке Янгельском местный ВРК создал дружину в составе пешего и небольшого конного отрядов [11, л. 131].

В то же время Советы, в какой-то степени, опасались массового вооружения деревни и старались этот процесс держать под своим пристальным контролем. Вопрос о состоянии вооружения народа и, в частности, солдат-дезертиров, возвращавшихся с фронта в свои деревни, остро обсуждался в декабре 1917 года Пермским Советом рабочих и солдатских депутатов. И губернская власть решила: «1) Вопрос о вооружении деревни должен быть проведен организованным путем. 2) Раздача оружия уходящим солдатам не создаст организованного пользования оружием, а лишь распылит его зачастую не только без всякой пользы для революции, но, может быть, даже во вред. 3) Лишь вооружение по приговорам сельских и волостных сходов через полковые комитеты и Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов может создать организованную силу в деревне, направленную для борьбы с контрреволюцией» [18].

Вновь созданные сельские дружины в свою очередь обращались к уездной власти не только за вооружением, но и за иной помощью, в частности – инструкторской. Так, например, в конце марта 1918 года в ответ на просьбу Тирлянской боевой организации был направлен инструктор Верхнеуральской Красной гвардии Прилицин, обладавший «боевой практикой» [14, л. 5, ,8, 11].

В переходный период советского государства в условиях разгула преступности, когда местные органы власти не справлялись с обеспечением порядка и безопасности граждан, сельские общества сами брали на себя выполнение этих сложных задач. Так, в конце марта 1918 года десятитысячное население поселков Никольское, Колупаевское и Мухоморовска (пригород Челябинска) на общественных началах создало «революционно-демократический орган «Комитет общественных дел 5-й части» в составе 50 человек. По своим функциям он полностью заменил милицию: «1) поддержание порядка к обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, 2) борьба с производством всякого рода спиртных и опьяняющих напитков, 3) надзор за санитарным состоянием поселка и за безопасностью их в пожарном отношении, 4) борьба со всякого рода спекуляцией и укрывательством продовольствия и предметов первой необходимости, 5) ограждение населения поселков от всевозможных самочинных арестов, обысков, реквизиций и пр.». Реализуя эти направления своей деятельности, комитет присвоил себе еще и право «преследовать и привлекать к ответственности за кражу, хулиганство, нарушение общественного порядка и пр.; пресекать и предавать военно-революционному суду за изготовление, продажу, хранение всевозможных алкогольных напитков». Кроме того, создавалось специальное подразделение – «народная охрана». Таким образом, из правоохранительной юрисдикции местного Совета практически выводилась немалая территория с десятитысячным населением. Данный комитет был наделен своеобразным иммунитетом на отправление,

в первую очередь, функции охраны общественного порядка и безопасности граждан, а государству, в лице местного Совета, оставил право ареста выявленных преступников и правонарушителей [8].

Аналогичные процессы происходили и в Вятской губернии. 7 января 1918 года общее собрание жителей д. Яморки Тожсолинской волости Яранского уезда в целях «беспощадной борьбы с хулиганами, погромщиками и насильниками, стремящимися использовать тяжелое время страны в личных корыстных целях», приняло решение о скорейшем формировании «дружин общественной безопасности». Такие же решения были приняты в Корляковской, Малошалайской и Троицкой волостях данного региона. В другом уезде – Уржумском, 29 января 1918 года собрание граждан деревни Паниклы Пилинской волости постановило: «Организовать Красную гвардию, то есть вольную дружину для ведения порядка в жизни и поддержки совета». Она была создана в составе 18 человек [19, с. 403].

Помимо партийно-советских указаний, сами сельские жители для «...защиты крестьянского имущества от подавляющих разбойничьих шаек и поддержки порядка среди населения» определяли способы комплектования боевых дружин, в первую очередь путем установления подворных квот выставления красногвардейцев-рекрутов. Общее собрание граждан Якшинской волости Вятского уезда постановило: «Красногвардейцев должны избирать сами селения... с таким расчетом, чтобы селения, имеющие до 10 дворов, дали одного красногвардейца, выше 10 дворов – двух» [2, л. 3].

От населения не отставали и органы власти. II-й чрезвычайный Яранский уездный съезд Советов крестьянских рабочих и солдатских депутатов 11 марта 1918 года постановил: «Необходима организация на местах добровольческой дружины из товарищей солдат и крестьян, способных создать активную поддержку и оплот Советской власти» [3, л. 224]. Аналогичные решения принимались в Елабужской [1, л. 30] и Малмыжском уездах [4, л. 104]. В последнем эта работа активизировалась не только по инициативе Советов, 18 марта общее собрание жителей села Константиновки Арпорской волости решило: «Для поддержки порядка общественного спокойствия... назначить Красную гвардию и просить Малмыжский уездный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выискать для Красной гвардии вооружение – винтовок» [4, л. 104]. В созданное правоохранительное подразделение записались 12 человек. В связи с вышеизложенным интересна точка зрения на институт Красной гвардии указанного исполкома, нашедшая свое выражение в докладе Вятскому губисполкому. Председатель Шатуров 13 апреля 1918 года сообщал, что «в уезде милиция упразднена и заменена народными сельскими и волостными дружинами... В уезде Красной гвардии нет» [4, л. 21]. Таким образом, у уральских советских органов не существовала определенная концепция института Красной гвардии. Официально не устанавливались различия в комплектовании, структуре и функциях красногвардейских и дружинных подразделений. Скорее всего, их и не было, на местах в зависимости от субъективной точки зрения советских руководителей, так или иначе, называли боевые правоохранительные учреждения.

Более того, некоторые сельские Советы напрямую требовали упразднения Красной гвардии в регионе. Так, например, в протоколе прений на II Челябинском уездном съезде крестьянских и казачьих депутатов зафиксировано, что «некоторые из делегатов указывают на те неприятные случаи, какие наблюдаются у Красной гвардии, поэтому надо изыскать другие формы общественного самосохранения. Некоторые из делегатов предлагают совершенно отменить Красную гвардию» [7]. В этом случае необходимо отдать должное советским чиновникам, которые после острой дискуссии предложили резолюцию, где отмечалось, «что Красная гвардия необходима ... ее нужно реорганизовать на других началах» [7].

В первые месяцы Советской власти при отсутствии профессиональных правоохранительных структур сельские дружины сыграли решающую роль по поддержанию правопорядка и борьбы с преступностью на местах.

---

1. ГАКО. Ф. 876. Оп. 1. Д. 14.
2. ГАКО. Ф. 880. Оп. 1. Д. 163.
3. ГАКО. Ф. 883. Оп. 2. Д. 23.
4. ГАКО. Ф. 885. Оп. 5. Д. 38.
5. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 13.
6. Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов, 1918. 6 апреля.
7. Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, 1918. 23 февраля.
8. Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, 1918. 4 апреля.
9. Кадонцев, С.М. В Уральской деревне // В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов – участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловское книжное издательство, 1957. С. 252.
10. ОГАЧО. Ф. 526. Оп.2. Д. 20.
11. ОГАЧО. Ф. 596. Оп.1. Д. 352.
12. ОГАЧО. Ф. 596. Оп.1. Д. 206.
13. ГАЧО. Ф. 596. Оп.1. Д. 224.
14. ОГАЧО. Ф. 596. Оп.1. Д. 34.

15. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 г.–май 1918 г.). Сборник документов и материалов; под ред. В.П. Чемериса. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1979. С. 304.
16. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март-июнь 1918 г.). Сборник документов. Т. 3. М., 1967. С. 511.
17. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. Сборник документов и материалов. Уфа, 1957. С. 325.
18. Пролетарское знамя, 1917. 16 декабря.
19. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сборник документов; отв. ред. А.С. Быстрова. Киров: Кировское книжное изд-во, 1957. С. 479.
20. ЦГИА РБ. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 22.
21. ЦГИА РБ. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 1.
22. ЦГИА РБ. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 2.
23. ЦГИА РБ. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 22.

References

1. GAKO. F. 876. Op. 1. D. 14.
2. GAKO. F. 880. Op. 1. D. 163.
3. GAKO. F. 883. Op. 2. D. 23.
4. GAKO. F. 885. Op. 5. D. 38.
5. GAOO. F. R-2418. Op. 1. D. 13.
6. Izvestiya Ural'skogo oblastnogo Soveta rabochikh, krest'yanskikh i armeyskikh deputatov i Yekaterinburgskogo Soveta rabochikh i armeyskikh deputatov, 1918. 6 aprelya [Proceedings of the Ural Regional Soviet of Workers, Peasants and Army Deputies and the Yekaterinburg Soviet of Workers' and Army Deputies].
7. Izvestiya Chelyabinskogo Soveta krest'yanskikh, rabochikh i soldatskikh deputatov, 1918. 23 fevralya [Proceedings of the Chelyabinsk Council peasants, workers and soldiers' deputies].
8. Izvestiya Chelyabinskogo Soveta krest'yanskikh, rabochikh i soldatskikh deputatov, 1918. 4 aprelya [Proceedings of the Chelyabinsk Council peasant, workers and soldiers' deputies].
9. Kadontsev, S.M. V Ural'skoy derevne [The Ural village] // V bor'be za vlast' Sovetov. Vospominaniya kommunistov – uchastnikov Oktyabr'skoy revolyutsii i grazhdanskoy voyny na Urale. Sverdlovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1957. S. 252.
10. OGACHO. F. 526. Op.2. D. 20.
11. OGACHO. F. 596. Op.1. D. 352.
12. OGACHO. F. 596. Op.1. D. 206.
13. OGACHO. F. 596. Op.1. D. 224.
14. OGACHO. F. 596. Op.1. D. 34.
15. Oktyabr' v Bashkirii (oktyabr' 1917 g.–may 1918 g.) [October in Bashkiria]. Sbornik dokumentov i materialov; pod red. V.P. Chemerisa. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izd-vo, 1979. S. 304.
16. Perepiska sekretariata TSK RSDRP(b) s mestnymi partiynymi organizatsiyami (mart-iyun' 1918 g.) [Correspondence of the Secretariat of the Central Committee of the RSDLP (b) with the local party organizations]. Sbornik dokumentov. T. 3. M., 1967. S. 511.
17. Podgotovka i provedeniye Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii v Bashkirii [Preparation and holding of the Great October Socialist Revolution in Bashkortostan. Collection of documents and materials]. Sbornik dokumentov i materialov. Ufa, 1957, 325.
18. Proletarskoye znamya [The proletarian flag], 1917. 16 dekabrya.
19. Ustanovleniye i uprocheniye Sovetskoy vlasti v Vyatskoy gubernii [Establishment and strengthening of the Soviet power in the Vyatka province]. Sbornik dokumentov; otv. red. A.S. Bystrova. Kirov: Kirovskoye knizhnoye izd-vo, 1957. S. 479.
20. TSGIA RB. F. R-87. Op. 1. D. 22.
21. TSGIA RB. F. R-113. Op. 1. D. 1.
22. TSGIA RB. F. R-233. Op. 1. D. 2.
23. TSGIA RB. F. R-954. Op. 1. D. 22.

UDC 34(091)

RURAL SQUAD – THE MAIN INSTITUTION FOR MAINTAINING PUBLIC ORDER IN THE URAL COUNTRYSIDE IN THE FIRST YEAR OF THE SOVIET POWER

Abramovskiy Aleksandr Andreevich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Head of the Department Chair
of Legal Theory
and Criminal Law,
Doctor of History,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Annotation
The article reveals the mechanism for maintaining public order in the Urals countryside in the first year of Soviet power firstly through the establishment of rural fighting squads. It is shown the process of their formation in each of the four provinces in the Urals.

Key concepts:
October revolution,
the Urals,
bodies of public order maintenance,
Red Guards,
squad.